

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3979442>

УДК 130.3

Мочалова Н.Ю.

Мочалова Надежда Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (ф) РГППУ. 622031, Россия, г. Нижний Тагил, ул. Красноармейская, 57. E-mail: mochalova_n2008@mail.ru.

Пространство персональной идентичности эпохи модерна: границы публичной регламентации и личной свободы

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения границ персональной идентичности в макросоциальном контексте эпохи модерна. Отличительной особенностью обозначенного периода в развитии социальных систем является тесное переплетение и взаимовлияние институциональных изменений и внутриличностных трансформаций. С опорой на исследования Ю. Хабермаса, В. Хёсле, Р. Баумайстера, Э. Гидденса рассматривается процесс возникновения новых психосоциальных механизмов персональной идентичности, которые формируются под влиянием трансформирующихся институтов модерна и, в свою очередь, трансформируют эти институты. Именно поэтому «диалектика глобального и локального» становится стержнем современных теоретических размышлений.

Ключевые слова: модерн, персональная идентичность, самость, Я, публичность, приватность, социализация.

Mochalova N.Yu.

Mochalova Nadezhda Yurievna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Nizhny Tagil state University, Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Pedagogical University. 622031, Russia, Nizhny Tagil, Krasnoarmeyskaya st., 57. E-mail: mochalova_n2008@mail.ru.

The space of personal identity of the modern era: the boundaries of public regulation and personal freedom

Abstract. The article is devoted to the problem of determining the boundaries of personal identity in the macrosocial context of the modern era. A distinctive feature of the designated period in the development of social systems, which the authors call «high», or late modernity, is the closest intertwining and mutual influence of institutional changes and intrapersonal transformations. The focus of research by J. Habermas, W. Höhle, R. Baumeister, E. Giddens is the process of the emergence of new psychosocial mecha-

nisms of personal identity, which are formed under the influence of the transforming institutions of modernity and, in turn, transform these institutions. That is why the «dialectic of the global and the local» becomes the core of their theoretical reflections.

Key words: modern, personal identity, self, I, publicity, privacy, socialization.

В современных социально-философских и культурологических исследованиях индивид рассматривается как активный участник межличностных отношений, субъект и объект полилоговых смыслов и коммуникаций. При рассмотрении проблем персональной идентичности принципиально важно осознать не только границы личной свободы человека, но и слитность человека с миром, неотстраненность его субъективности миру, его несuverенность.

Личностное бытие человека испытывает на себе серьезное влияние современных цивилизационных изменений. Зачастую теоретические конструкции личности, субъекта, Я не соответствуют тенденциям актуальных социальных трансформаций, происходящих в мире и человеке. Многие современные авторы связывают историю самоопределения человека с учетом феномена модерности. Социальный смысл модерна в том, что мир становится более прозрачным, ясным, доступным для познания и изменения за счет рационализации социальной жизни.

Мир модерна соотносится с персонализацией общества, в котором субъект наделяется правом и волей быть собой. Но субъект свободы в качестве принципа блага утверждает и контроль, который он способен и должен осуществлять над своими действиями и чувствами. Его тело, психика, внутренняя духовная жизнь, собственное Я освобождаются из-под религиозного давления и кланового контроля. Согласимся с мнением А. Турена относительно того, что не существует одного единственного образа модерна, но можно говорить о двух, по крайней мере, образах модерна, соотносимых друг с другом – субъективации и рационализации [4]. Человек осознает себя как единственного автора своей собственной жизни,

которую он сам может целерационально спланировать. Пространство персональной идентичности, мир индивидуальной повседневности, открытые интеллектуальной европейской культурой, попали в сферу публичной регламентации [3, с. 56]. С точки зрения актуального социокультурного пространства Просвещения становится необходимым организовать «разум», научить «мыслить».

Личная жизнь человека становится объектом экспансии со стороны публичности. Эти отношения к человеку прекрасно фиксирует и М. Фуко. Внедрение регламентирующих индивидуальное пространство социальных и культурных практик можно фиксировать на всем пространстве экономической, политической, культурной жизни: системы власти, воспитания, наказания, обучения – все оказывается подчиненным единому процессу «управления индивидом». Оказалось, что даже сексуальность, бесспорный атрибут персональной идентичности, реализуем исключительно в жестко установленных обществом рамках. Именно тело, указывает М. Фуко, оказывается в центре внимания осуществления контроля и оказывается здесь – именно как общественное тело [5]. Человек автономен, в том числе и сексуально, но это подчиненная автономия. Образ рационализации подчинен жесткой логике унифицированного единообразия, дисциплинарной матрице морализаторства, четкому номинированию, лишенному всякой магичности. Следуя логике рационализации модерн создает образ общества как «объекта тотального администрирования». Соответственно, логика контроля и господства стимулирует дисциплинарную социализацию и пространство персональной идентичности.

Современные перипетии идентичности, по мнению немецкого философа

Ю. Хабермаса, – результат развития культуры модерна, разделившую современное общество на систему и жизненный мир [4]. Ю. Хабермас выделяет два балансирующих измерения «Я-идентичности» как совокупность личностной и социальной идентичностей. «Понимание человеком самого себя зависит не только от того, как он сам себя описывает, но и от тех образцов, которым он следует. Самоощущенность Я определяется одновременно тем, как люди себя видят и какими бы они хотели себя видеть», – обозначает суть проблемы Ю. Хабермас [6, с. 7]. Структура идентичности имеет два измерения: горизонтальное, представляющее социальный уровень идентичности, – возможность выполнять различные социальные роли; и вертикальное, представляющее личную идентичность, выражающую связность истории индивидуальной жизни человека.

По мнению автора теории коммуникации, первая сфера «Я – идентичности» является подлинной, вторая – ложной, скрытной, рождающей иллюзорный мир представлений о самом себе. Установление баланса «Я – идентичности» достигается за счет техник взаимодействия (социальные коммуникации, язык, эмпатия) этих уровней идентичности, ибо фрагментация жизненного мира оставляет человеку рискованную возможность самоидентичности.

В. Хёсле развивает философскую традицию в осмыслении идентичности, рассматривая ее нормативную и общечеловеческую сущность. Хёсле четко различает две стороны личности: представленную Я (the I), Я – субъект, и Я-объект, понимаемую как самость (the Self) [8, с. 112-113]. Проблема идентичности, в любом случае, является проблемой отождествления, идентификации «я» и самости». Различие между Я и самостью относительно; «Я» является наблюдающим началом, самость – наблюдаемым, «я» современного человека научилось наблюдать за его самостью и чувствами, как если бы те были чем-то отличными от «я», даже если это

не предполагает, что самость освобождается от своих чувств. Однако, «я» может также наблюдать за своей склонностью наблюдать, - и в этом случае то, что сначала было «я», становится самостью. И то, что сначала было самостью, может становиться «я» [8, с. 115]. Кризис идентичности возникает, когда Я отвергает самость; у каждого человека присутствует нормативный образ своей самости – какой она должна быть по его представлению. Самопризнание в том, что ты дальше не можешь идентифицироваться со своей самостью – важный шаг к преодолению кризиса. У В. Хёсле для преодоления кризиса идентичности человек проявляет акт своеобразного активного забывания, чтобы отказаться от возвращения к прошлым неприятным воспоминаниям. Осознавая чрезвычайную важность памяти как фактора сохранения идентичности, В. Хёсле утверждает, что она не является абсолютным, т. е. необходимым или достаточным, условием сохранения идентичности. Человек может утратить память, но другие люди все же опознают в его новых ментальных актах прежние черты, характерные для человека, которого они знали прежде. Но и я сам могу помнить другого человека, не отождествляясь с ним, оставаясь самим собой. Все дело в том, что память не является исключительно свойством рефлексивного сознания, она – часть самости, часть пережитого чувственного опыта, который не может не влиять как на прошлое, так и на будущее человека.

В. Хёсле предлагает интересный анализ причин кризисов персональной идентичности. Кризис идентичности может быть вызван изменениями тела и невозможностью принять эти изменения (например, в период полового созревания), осознанием своей временности и страхом смерти, разочарованием в привычных моральных нормах и идеалах. Самый глубокий и безысходный кризис идентичности, считает В. Хёсле, вызван утратой веры в наличие каких-либо моральных норм и ценностей. Это ситуация

даже не ошибочного аксиологического выбора, а отсутствие такового, и отсутствие права на ошибку соответственно: человек находится по ту сторону от ценностного поля бытия, в его пустотном существовании нет никаких норм и абсолютных истин. Человек в данном случае не свободен, он не «выбирает себя», свой путь, свои ценности. Кризис персональной идентичности может быть вызван разочарованием в любимом, предательством (предательство) близкого, дорогого человека. В концепции В. Хёсле речь идет о здоровом преодолении кризиса идентичности не за счет полной замены старой идентичности новой, а лишь о частичной замене, реформировании старой идентичности. Обязательно должно сохраняться ядро личности, относительная цельность сущности человека при всех жизненно важных процессах бытия. Должны быть психологически безопасные границы при переключении с одного образа Я на другой, гибкость изменений психики не должны нарушать разрушать целостность самости личности, последовательности ее психических и поведенческих актов.

Наличие круга близких людей, которые день за днем готовы узнавать в человеке его Я, считая его более или менее постоянным, неизменным, чрезвычайно важно для сохранения основ персональной идентичности. Другой ставит границу моего самоопределения, тем самым облегчая трудности самоидентификации.

В. Хёсле утверждает, что преодоление кризисов является залогом прогрессивного развития как отдельного индивида, так и социальных обстоятельств. Разделяя позицию В. Хёсле о частичном реформировании самости как преодолении кризиса идентичности, отметим ряд неясных моментов этой концепции. В. Хёсле четко не объясняет основания разделения на самость и Я, Я-субъект и Я-объект, не обозначает, в чем заключается разница между ними. Возможно ли рассматривать определенные личностные характеристики индивида в качестве Я-объекта? Все-

гда ли Я-субъект есть активный актер познавательной деятельности? Самость и Я – это бинарная оппозиция или нет, при преодолении кризиса идентичности какая часть самости должна быть сохранена, а какая – отброшена.

Нам представляется недопустимым сведение сложной духовной организации к двум инстанциям, представленным как бинарная оппозиция, что упрощает системность сложных Я-связей, возникающих между различными «Я-образами» индивида. Кризисная идентичность возникает в момент разрыва связей между различными «Я-образами», когда некоторые «Я-образы» не соответствуют актуальной системе мироотношений, порождая проблему реформации, переконструирования Я. Многоликость и разнообразие Я-позиций не менее значимы для личности, чем организующее их единое Я.

Одной из наиболее системных теорий идентичности в современной американской социальной мысли является теория Р. Баумайстера [1]. Рой Баумайстер демонстрирует, как происходит историческое формирование идентичности как социального явления. Персональная идентичность предполагает контекстуальную систему социальных взаимоотношений и ролей других членов общества. Таким образом, потенциал идентичности определен обществом, его системой смыслов, целей, норм, идеалов, фундаментальных для каждого конкретного индивида.

Идеи успеха и совершенства оцениваются и определяются обществом. В зависимости от контекста идентичности общества типология социума определяет последовательное развитие пяти этапов становления идентичности. 1. Предписание (первобытный род). 2. Единичная трансформация (раннее средневековье). 3. Идентичность, определяемая иерархией критериев (позднее средневековье). 4. Обязательный выбор (XVIII век). 5. Необходимый выбор (современность).

По Р. Баумайстеру, приобретение компонентов идентичности характеризуется процессом самоопределения. В од-

ном случае общество может быть строгим, негибким, формы идентификации в этих обществах просты и непроблематичны (этапы 1, 2, 3). Этапы 4 и 5 демонстрируют свободные, терпимые и гибкие общества. Они предлагают для самосовершенствования, самоопределения и персонального выбора индивида большой спектр возможностей. В подобных условиях относительной свободы идентичность проблематична. Созревшая личность обладает самостоятельностью, способностью принимать решения и нести за них ответственность, способностью к самооценке, к различению различного рода «могу», «хочу», нравственной гибкостью. Прогресс общественного развития Р. Баумайстер связывает с переходом от 1, 2, 3 этапов к 4, 5 этапам развития. Существуют четыре стадии такого перехода, демонстрирующих исторические трансформации феномена идентичности.

1. Внутри общества люди всегда искали свободу индивидуального самовоплощения, индивидуального пути развития. Чем более ослабевает связь с общими путями развития по мере персонального освобождения, тем меньше социальных гарантий для удовлетворения *индивидуальной потребности в самовоплощении*.

2. Второй ступенью становится *приватизация* – стремление к саморазвитию вне общества, в частной индивидуальной обстановке. Реализовать это стремление по мере развития социальной эволюции, сближающей социальных агентов посредством социальной коммуникации, сложно.

3. Третьей стадией является *отчуждение*. Это осознание неспособности избежать общества, изменить и преодолеть социальные противоречия.

4. Последняя, современная стадия – *приспособление*. Осознавая неизбежную связь с обществом, люди пытаются найти адекватные формы жизнеобеспечения и самореализации внутри данного социума [1, с. 293].

Результатом усложнения общественных отношений, социальной дифференциации, развитие общества от детерминированного к автономному и свободному состоянию явилась антитеза публичному, защита частных интересов от общественного давления; как результат усложнения человеческого труда, изменения социальной структуры и секуляризации общественных отношений.

Исходным в понимании персональной идентичности становится утверждение, что человек есть активный субъект не только социальной, но и собственной психической жизни. Эту целостность в структуре личности человек идентифицирует с «Я». Модель персональной идентичности формируется за счет баланса определяющих критериев *континуальности* и *отличительности*.

Континуальность – характеристика нашей непротиворечивой целостности, наше Я должно переживаться как постоянная величина, как полное подобие самому себе. Это единство и целостность бытия человека во временном контексте. Континуальность означает, что Я такой же, как вчера, таким же буду и завтра. Любые изменения должны быть преобразованы в непрерывность: Я остаюсь самим собой всю свою жизнь.

Отличительность – отличное от других, мое особое бытие. Мера и степень отличия от других индивидов может быть более общая – например, пол, национальность, религиозная принадлежность; или более конкретная – например, способность быстро считать, чрезмерно эмоционально реагировать, не любить определенную породу собак, кулинарное блюдо и т.п. Каждая идентичность состоит из широкого набора компонентов, единиц самоопределения.

Ясное понимание своей идентичности позволяет человеку сделать *личностно-целенаправленный выбор*, реализовать свой профессиональный потенциал. Этот первый функциональный аспект идентичности определяется индивидуальной структурой приоритетов и ценностей.

Попытку представить исследование идентичности как более глобальную проблему современной культуры, не ограничивая ее рамками психологического анализа, предпринял известный британский социолог Энтони Гидденс. Идея исследователя такова: чем более ослабевает власть традиции в обществе, тем более настойчиво повседневная жизнь индивида заставляет его сделать выбор жизненного пути из предлагаемого многообразия перспектив. Острота противоречия локального и глобального приходится на эпоху модерна, которая открывает возможности для самоактуализации и сохранения.

Э. Гидденс рассматривает модерн как контекст, порождающий самоидентичность. Характеристика модерна дается через следующие моменты:

1. Противоречие глобального и локального трансформирует чувство интимности. Абстрактные расширенные социальные системы и отношения современности не могут удовлетворить настоятельную потребность индивида в поиске «своего» места, роли, своей интимности - в конкретном обретении себя.

2. Противоречие глобального и локального раскрывает обоюдную взаимозависимость индивидуального жизненного опыта и изменяемых действующих абстрактных систем, что заставляет индивида всякий раз заново «находить себя».

3. Следствием усиливающейся заботы о себе, результатом поиска гармонии с миром становится нарцисстическая культивация тела.

4. Проблематичность «стыковки» социального и индивидуального поведения и опыта усиливает потребность в организованности и контроле над динамикой развития современных форм социальных институтов и информационных средств.

Э. Гидденс предлагает свою структуру идентичности личности, которая формируется в противоречивом развитии между двумя крайними полюсами – абсолютного приспособленчества (конформизм) и замкнутости на себя (нарцис-

сизм). Между этими крайними полюсами у Гидденса расположены промежуточные уровни, представленные дилеммами как патологическими формами: унификация – фрагментация, авторитарность – неопределенность, беспомощность – овладение, личные потребности – рыночный индивид. Каждый из обозначенных уровней может в абсолюте развития привести к патологичной форме выраженности: традиционализм – нонконформизм, всемогущество – отчуждение, догматизм – радикальное сомнение, нарциссизм – полное растворение в мире товаров. Именно поиск диалектической формы существования индивида, которая смогла бы гарантировать ему комфортность бытия и полноту коммуникации, привел исследователя к необходимости включения проблем сексуальности в рамки поиска самоидентичности, к анализу трансформирующейся интимности (сексуальности, любви и эротизма) в современном обществе. На нынешнем этапе развития Э. Гидденс рассматривает сферу интимной эмоциональности как вопрос жизненной политики: «В сфере сексуальности эмоция как средство коммуникации, как приверженность другим и сотрудничество с ними является особенно важной. Модель любви-слияния предполагает этический каркас воспитания недеструктивной эмоции в поведении индивида и общинной жизни. Она обеспечивает возможность возрождения эротики ... как родового качества сексуальности в социальных отношениях, формируемого скорее через взаимность, нежели через неравную власть» [2, с. 203].

Предложенные концепции исследования феномена идентичности фиксируют в нем содержание внутреннего мира как остающееся тождественным себе, постоянное при временных измерениях («то же самое» – *idem*, греч. – *homos, homoios*). Это данное в опыте постоянство во времени. Второе значение фиксирует тождественность себе, а не другому – любой индивид есть тот же самый, а не другой (*ipse, autos* – сам). Оба эти значе-

ния оказываются связанными, если идентичность понимается как проблематичное существование во времени, подверженное кризисам единство человеческой жизни, проходящее испытание на прочность при контакте с иным, чужим.

Обретение новой тождественности – итог исторического, временного изменения жизненной ситуации и соответствующего ей сознания и самосознания. Поэтому предпринятый анализ идентичности начат с эпохи модерна, позволяющей

проанализировать тесное переплетение и взаимовлияние институциональных изменений и внутриличностных трансформаций. Категория «идентичность» проявляет динамичность индивидуального бытия во времени, а не некую устойчивую вневременную сущность, имманентно присущую индивидуальности. Теоретический поиск взаимосвязей глоболизирующих макротенденций социальности и личностных диспозиций остается крайне интересным и актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баумайстер Р., Тирни Дж. Сила воли. Возьми свою жизнь под контроль. М.: Эксмо, 2017. 304 с.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
3. Легеза С., Ходус Е. Сексуальность и гендер: от традиции к постмодерности (меняющиеся образы и формы презентации) // Логос. 2005. № 2 (47). С. 51-64.
4. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. 480 с.
6. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
7. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992. 176 с.
8. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112-123.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Baumajster R., Tirni Dzh. Sila voli. Voz'mi svoju zhizn' pod kontrol'. M.: Jeksmo, 2017. 304 s.
2. Giddens Je. Transformacija intimnosti. SPb.: Piter, 2004. 208 s.
3. Legeza S., Hodus E. Seksual'nost' i gender: ot tradicii k postmodernosti (menjajushhiesja obrazy i formy prezentacii) // Logos. 2005. № 2 (47). S. 51-64.
4. Turen A. Vozvrashhenie cheloveka dejstvujushhego. Oчерk sociologii. M.: Nauchnyj mir, 1998. 204 s.
5. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my. M.: «Ad Marginem», 1999. 480 s.
6. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne / Per. s nem. M. M. Beljaeva i dr. M.: Ves' mir, 2003. 416 s.
7. Habermas Ju. Demokratija. Razum. Nравstvennost'. M.: Nauka, 1992. 176 s.
8. Hjosle V. Krizis individual'noj i kollektivnoj identichnosti // Voprosy filosofii. 1994. № 10. S. 112-123.

Поступила в редакцию 31.07.2020.
Принята к публикации 03.08.2020.

Для цитирования:

Мочалова Н.Ю. Пространство персональной идентичности эпохи модерна: границы публичной регламентации и личной свободы // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 11-17. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Mochalova.pdf>